

Евгений Дзюбецкий

Сладкая ЖИЗНЬ

ЖИВАЯ
МУЗЫКА
С 20:00

Евгений Дзюбецкий

Сладкая жизнь

<https://litres.ru/74141814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Банкетный зал категории «эконом-плюс». Пластиковые панели под дерево, виниловые обои с вензелями. В центре — длинный стол, накрытый белой скатертью. На столе:

Бутылка коньяка (початая).

Бутылка водки (полная).

Пять рюмок.

Ваза с искусственными цветами.

И главный элемент — ТОРТ. Он красивый, кремовый, с надписью: «Спи спокойно, наш дорогой». Сбоку неряшливо скovyрнут крем тарелкой. Никто не решается его порезать. Он стоит как монумент.

На тумбочке — портрет покойного с траурной лентой. Лицо мужчины на портрете закрыто чёрной вуалью, зрители не видят его лица. Он — пустое место, зеркало для их рассказов.

В углу — синтезатор на подставке с табличкой «Живая музыка с 20:00».

Содержание

Трагикомедия в одном действии	4
ПРОЛОГ	7
ТОСТ ПЕРВЫЙ. ТАМАРА. "География любви"	10
ТОСТ ВТОРОЙ. АЛЛА. "Хронология лжи"	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Дзюбецкий

Сладкая жизнь

Трагикомедия в одном действии

Жанр: Трагикомедия / «Поминки в жанре стендап».

Место действия: Банкетный зал ритуального комплекса «Мир и покой».

Время действия: Сегодня, сразу после кремации.

Действующие лица (5 женщин):

ТАМАРА (62 года) — законная жена. Царственная, грузная, в чёрном, но с бриллиантами. Говорит медленно, веско, как судья. Привыкла командовать. За маской скорби — ярость и усталость.

АЛЛА (45 лет) — любовница. Яркая блондинка в слишком обтягивающем и чуть безвкусном платье. Говорит быстро, много жестикулирует, постоянно поправляет причёску. Смеётся нервно. Пришла «проститься», но на самом деле — выяснить, кому он обещал квартиру.

ВИКА (35 лет) — «девочка из офиса», младший менеджер его фирмы. Тихая, серая мышка в дешёвом костюме, который она, видимо, купила специально на похороны. Говорит тихо, но когда прорывается — орёт. Не спала с ним, но была в него тайно влюблена 10 лет.

ЛЕНА (27 лет) — дочь. Пришла в джинсах и старой толстовке с логотипом рок-группы. Демонстративно не скорбит. Ест крем от торта пальцами из тарелки. Говорит колко, цинично. За маской безразличия — брошенный в детстве ребёнок, который «так и не дождался папу на утренник».

ТАИСИЯ ПЕТРОВНА (78 лет) — случайная гостья. Божий одуванчик. Она оказалась здесь по ошибке — перепутала зал.

Также: **ОФИЦИАНТ** (просто приносит и забирает посуду) — появляется несколько раз за спектакль, создавая комические паузы.

ДУШЕПРИКАЗЧИК - мужчина, лет пятидесяти, в дорогом костюме, при галстуке, с кожаной папкой в руках. От него веет дорогим парфюмом.

Сценография

Банкетный зал категории «эконом-плюс». Пластиковые панели под дерево, виниловые обои с вензелями. В центре — длинный стол, накрытый белой скатертью. На столе:

- Бутылка коньяка (початая).
- Бутылка водки (полная).
- Пять рюмок.
- Ваза с искусственными цветами.
- И главный элемент — **ТОРТ**. Он красивый, кремовый, с надписью: «Спи спокойно, наш дорогой». Сбоку неряшливо сковырнут крем тарелкой. Никто не решается его порезать. Он стоит как монумент.

На тумбочке — портрет покойного с траурной лентой. Лицо мужчины на портрете закрыто чёрной вуалью, зрители не видят его лица. Он — пустое место, зеркало для их рассказов.

В углу — синтезатор на подставке с табличкой «Живая музыка с 20:00».

Структура спектакля

Спектакль разбит на **пять тостов**. Каждая женщина должна произнести тост. Это «ритуальный круг», который превращается из фарса в исповедь.

Каждая героиня — это «голос» определённой травмы, связанной с покойным.

- **Тамара** — голос Унижения и Долга.
- **Алла** — голос Самообмана и Романтики.
- **Вика** — голос Незамеченности.
- **Лена** — голос Брошенного Ребёнка.
- **Таисия** — голос Мудрости и Прощения, но не пафосной, а бытовой.

ПРОЛОГ

Свет зажигается резко. Тамара сидит во главе стола, как председатель. Алла стоит у окна, нервно курит электронную сигарету. Вика сидит на самом краю стула, боясь прикоснуться к скатерти. Лена сидит на подоконнике, ковыряет торт. Долгая, неловкая пауза. Только отдаленно слышен грохот посуды на кухне ресторана.

ТАМАРА (не глядя на Аллу): Я не поняла, а эта что здесь делает?

АЛЛА (не оборачиваясь): «Эта» пришла проститься. В отличие от некоторых, «эта» имеет на это моральное право.

ТАМАРА: Моральное право у тебя было только на справку о гонорее, которую ты ему подарила в две тысячи седьмом.

АЛЛА: (резко оборачивается, затягивается с удвоенной силой): Ах, Тамарочка, ну сколько можно? Гонорей была обоюдная. И я была не первой. И даже не второй. Я была, кажется, в сборной.

ВИКА (тихо, почти шёпотом): Может... может, не надо? Мы же на поминках...

ЛЕНА (с набитым ртом, громко): Да давайте уже подерёмся! Папа бы оценил. Ему всегда нравилось, когда из-за него дрались тётки. Это его единственный талант был.

Пауза. Все смотрят на Лену. Тамара поджимает губы.

ТАМАРА: Лена, вынь торт изо рта. Это ритуальный торт.

ЛЕНА: Ритуальный — значит, священный. А священное надо вкушать, а не любоваться. Так батюшка говорил.

ТАМАРА: Батюшка говорил про просфору, а не про масляный крем.

ЛЕНА: (облизывает пальцы): Ой, да ладно. Один хрен — тело и кровь. Только тут сахар и маргарин.

В этот момент дверь приоткрывается, и робко входит Таисия Петровна с сумкой.

ТАИСИЯ: Ой, здарсьте. А это какой зал? Мне сказали — банкет «Осиповы». Это Осиповы?

ТАМАРА: Это Карповы.

ТАИСИЯ: Карповы... Карповы... Ой, а Саша Карпов — он же умер? Я с ним в очереди в МФЦ стояла, и во дворе всегда мимо проходил, здоровался! Такой приятный мужчина. Всё шутил про пенсию.

АЛЛА: (фыркает): Приятный мужчина. Это точно он. Шутил он много. Особенно когда обещал на мне жениться.

ТАИСИЯ: (не понимая, но чувствуя неловкость): Ну я пойду тогда... Извините...

ТАМАРА (внезапно, с металлом в голосе): Нет. Сядьте. Все в шоке.

ТАМАРА: Вы — единственный человек, который оказался здесь случайно. Вы — свидетель. Садитесь. Будете пить с нами.

ТАИСИЯ: Так у меня ж пост...

ТАМАРА: А у нас поминки. Поминки важнее поста. Садитесь.

Таисия Петровна, крестясь на портрет, садится с краю. Пауза. Тамара встаёт с рюмкой.

ТАМАРА: Ну что же. Помянем. Первый тост — мой. Как законной жены. (Она делает паузу, разглядывая рюмку.) Я хочу выпить за то... чтобы он горел в аду.

Алла поперхнулась дымом. Вика ойкнула. Лена заржала.

ТОСТ ПЕРВЫЙ. ТАМАРА.

"География любви"

ТАМАРА: Что вы на меня смотрите? Думаете, Тамара — стерва? Да, я стерва. Я 35 лет была стервой. Потому что кто-то должен был в нашем браке быть мужиком. Саша... (кивает на портрет) Саша был... как бы это сказать... «деятелем культуры». Он так себя называл. «Я деятель культуры, Тамарочка!» А я деятеля культуры кормила, поила и лечила от триппера. (К Алле) Не от тебя, Аллочка, не обольщайся. Ты была эпизодом. Эпизодом четвёртым в третьем сезоне. А всего сезонов было двенадцать, и в каждом — свой состав. Я знала всех. Я, как начальник вокзала, провожала эти поезда. Знала расписание. Он думал, что он Дон Жуан. А я была его завхозом. (Пьёт залпом. Ставит рюмку.) И знаете, что самое смешное? Я ведь его любила. Первые года три. Потом привыкла. Потом он стал моей работой. Я устроилась на должность жены. С окладом — его присутствие. Был соцпакет: раз в два года поездка в Турцию, где он всё время пялился на официанток. (Наливает вторую.) Я хочу выпить за то, чтобы там, куда он попал, была строгая отчётность. Чтобы каждую его бабу ему засчитали как грех. И чтобы он там сидел и заполнял бухгалтерские ведомости. Вечность. (Пьёт. Садится. Пауза.)

АЛЛА: (тихо): Жёстко.

ЛЕНА: (смеясь): Мать, ты гений. Ведомости в аду. Я бы на это посмотрела.

ТАМАРА: Посмотришь. У нас у всех там будет свой котёл.

ТОСТ ВТОРОЙ. АЛЛА.

"Хронология лжи"

После того как Тамара села, в зале повисает густая тишина. Слышно, как Лена выковыривает вишенку из остатков торта. Алла подходит к столу. Она явно выпила лишнего ещё до поминок. Платье у неё немного перекосилось, тушь под левым глазом чуть потекла, но она держится с видом оскорблённой королевы.

АЛЛА: Ну, раз уж так... Тогда моя очередь. (Поднимает рюмку.) Я - Алла... для тех, кто не знал, — та самая «эпизодическая роль». Сезон, кажется, седьмой. Прямо как в старые добрые. Помнишь, Тамарочка, ты мне однажды позволила и сказала: «Если ещё раз увижу тебя рядом с моим мужем, я тебе волосы вырву вместе с корнями и пересажу на свою герань»? (Она поправляет причёску.) Я после этого три месяца ходила в парике. На всякий случай. У тебя герань была роскошная, в спальне стояла, я помню...

ТАМАРА (не глядя на неё, разглядывает свои бриллианты): Герань была моя. Но про волосы тебе моя свекровь говорила. Ты перепутала адресанта угрозы.

АЛЛА: Ой, да какая разница! Ваша семья — это всегда был такой серпентарий, что я и не пыталась разобраться, кто там за кем охотится. (Она поднимает рюмку, разглядывает

её на свет.) Ну что, девочки... и ты, Леночка, которая ест торт так, будто это враг народа... Я хочу сказать тост. Тост за «секретную ячейку».

ВИКА (тихо, ни к кому не обращаясь): Какую ячейку? В банке?

АЛЛА (драматически оборачиваясь к ней): О! И ты туда же! Давайте, все дружно спросите: «Алла, какая ячейка? Алла, ты что, банк ограбила?» Нет, мои дорогие. Это он меня ограбил. Он украл у меня ячейку. Вернее, сначала он украл у меня сердце, потом три года жизни, потом надежду на брак, а потом — ячейку. Всё по нарастающей.

ТАМАРА: Алла, не тяни резину. Ты ещё скажи, что он украл у тебя честь и достоинство.

АЛЛА: Честь он у меня, конечно же, не крал, Тамарочка. Девственность я потеряла в девяносто пятом, после концерта «Руки вверх!». А достоинство... (она задумывается)... кстати, да! Был случай! Он у меня одолжил машину, чтобы «срочно съездить к дочери», а сам поехал к какой-то бабе. Я потом в своей машине нашла чужое бельё. Он его забыл ей вернуть! Забыл, представляете? Как можно забыть вернуть бельё? Как можно ей уйти без белья?!

ЛЕНА (с набитым ртом): Папа был рассеянный. Особенно когда спешил к очередной юбке.

АЛЛА: (поднимает палец вверх): Не просто к юбке! Это была юбка с историей! Но я не об этом. Я о ячейке. (Она ставит рюмку, достаёт из сумочки потрёпанный блокнот в

кожаной обложке.) Он мне оставил ключ. И сказал: «Аллочка, солнышко моё незакатное, если со мной что-то случится, сходи в банк, ячейка 314. Там — наше будущее». Он так и сказал: «Наше будущее».

ТАМАРА: (фыркает): У него было столько «будущего» с разными женщинами, что он мог бы открывать филиалы.

АЛЛА: (не обращая внимания): Я храню этот ключ как зеницу ока. (Достаёт из декольте ключ на цепочке.) Вот он. Я с ним сплю. Я с ним моюсь. Я с ним хожу к гадалке. Гадалка, кстати, сказала, что ключ от счастья, но счастье — в долговой яме. Я тогда не поняла, а теперь...

ЛЕНА: Тётя Алла, ближе к делу. Торт кончится, а мы ещё ничего не поняли.

АЛЛА: Леночка, не перебивай старших. Торт — это важно, но ячейка — это Святой Грааль нашего романа. Короче. (Она открывает блокнот, как следователь на допросе.) Я туда ходила. Три раза. Первый раз — при нём. Романтика! Он завязал мне глаза своим галстуком и вёл по банку. Я думала, меня сейчас арестуют за непристойное поведение. Мы зашли в хранилище, он открыл ячейку и показал мне... (пауза)... письма. Пачки писем, перевязанных ленточками. Он сказал: «Это моя душа, Аллочка. Это то, что останется после меня». Я рыдала. Я думала, это всё мне. (Она смеётся.) Дура.

ТАМАРА: (не удержавшись): А ты хотела, чтобы там лежали золотые слитки?

АЛЛА: (резко): Я хотела, чтобы там лежал хотя бы один

договор купли-продажи недвижимости на моё имя! Он обещал мне жилплощадь! Он говорил: «Аллочка, ты моя королева, ты достойна дворца». В итоге я достойна была только ячейки с его графоманией.

ВИКА (тихо): А что было в письмах?

АЛЛА: О! Вот тут самое интересное. (Она перелистывает блокнот.) Второй раз я пришла одна. Ключ у меня был. Он тогда улетел в командировку в Казахстан. Или сказал, что в Казахстан. Может, он был у тебя, Тamarочка? Или у тебя, Вика? Не важно. Я пришла и решила: дай-ка я прочитаю, что он там пишет для вечности. Думала, может, там поэма в мою честь. Или хотя бы хокку. (Она достаёт из блокнота мятый листок.) Я переписала. Не всё, а то бы меня там до сих пор в банке искали, и нашли спящей на мешках с переписанными письмами. Я переписала заголовки. (Она надевает очки, и это выглядит нелепо, потому что очки у неё «модные», в стразах.) Итак. Цитирую по памяти, потому что от волнения у меня там всё перемешалось. Ячейка 314, опись вложения. Письмо первое: «Тамаре — последняя попытка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.